

Письма Л.Н. Толстого
1848 - 1910 гг.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
П35

П35 Письма Л.Н. Толстого: 1848 - 1910 гг. / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 371 с.

ISBN 978-5-517-83628-1

Собраны и редактированы П.А.Сергеенко.

ISBN 978-5-517-83628-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1848 г.

№ 1.

Графу С. Н. Толстому *).

(Петербургъ, 1848 г., Февр. 13).

Сереза!

Я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остаться навѣки... Я рѣшился здѣсь остаться держать экзаменъ**) и потомъ служить; ежели же не выдержу (все можетъ случиться), то и съ 14-го класса начну служить, я много знаю чиновниковъ 2-го разряда, которые не хуже и васъ перворазрядныхъ служатъ. Короче тебѣ скажу, что петербургская жизнь на меня имѣетъ большое и доброе вліяніе: она меня приучаетъ къ дѣятельности и замѣняетъ для меня невольное расписаніе; какъ-то нельзя ничего не дѣлать, всѣ заняты, всѣ хлопочугъ, да и не найдешь человека, съ которымъ бы можно было вести безпутную жизнь—одному же нельзя.

Я знаю, что ты никакъ не повѣришь, чтобы я перемѣнился, скажешь: „это ужъ въ двадцатый разъ и все изъ тебя пути нѣтъ“, „самый пустяшный мальиш“, — нѣтъ, я теперь совсѣмъ иначе перемѣнился, чѣмъ прежде мѣнялся; прежде я скажу себѣ: „дай-ка я перемѣшусь“, а теперь я вижу, что я перемѣнился, и говорю: „я перемѣнился“.

Главное то, что я вполне убѣжденъ теперь, что умозрѣніемъ и философіей жить нельзя, а надо — жить положительно, т.-е. быть практическимъ человекомъ. Это большой

*) Старшій братъ Л. Н.

**) Въ университетъ.

шагъ и большая переѣна, еще этого со мной ни разу не было. Ежели же кто хочетъ жить и молодѣть, то въ Россіи нѣтъ другого мѣста, какъ Петербургъ; какое бы направленіе кто не имѣлъ, всему можно удовлетворить, все можно развить, легко, безъ всякаго труда. Что же касается до средствъ къ жизни, то для холостого жизнь здѣсь вовсе не дорогая, и напротивъ, дешевле и лучше московской, псключая квартиръ.

Сейчасъ пріѣзжалъ ко мнѣ Оболенскій и привозилъ письмо, только что полученное имъ отъ брата Дмитрія... Всѣмъ нашимъ передай, что я всѣхъ цѣлюю и кланяюсь, и что лѣтомъ въ деревнѣ можетъ буду, можетъ нѣтъ, мнѣ хочется лѣтомъ взять отпускъ и поѣздить по окрестностямъ Петербурга, въ Гельсингфорсъ и въ Ревель тоже хочу съѣздить.

Напиши мнѣ, ради Бога, хоть разъ въ жизни; мнѣ хочется знать, какъ ты и всѣ наши эту новость примутъ; проси ихъ отъ меня писать, я же писать къ нимъ боюсь, такъ давно не писалъ я къ нимъ, что они вѣрно сердятся, особенно передъ тетенькой Татьяной Александровной*) мнѣ совѣстно, попроси у нея отъ меня прощенія.

Оболенскій тебѣ кланяется. Можешь себѣ представить, что Алеша Пушкинъ здѣсь. Однако я его еще не видѣлъ.

Левъ.

№ 2.

Графу С. Н. Толстому.

(Петербургъ, 1848 г., Май 1).

Читай это письмо одинъ.

Сереза, ты, я думаю, уже говоришь, что я „самый пу-
стяшный малыц“, и говоришь правду. Богъ знаетъ, что я

*) Т. А. Ергольская, дальняя родственница и воспитанница Толстыхъ. Послѣ смерти матери Л—а Н—а (1830 г.) Т. А. замѣнила ему мать. Изъ чувства родственности дѣти называли ее „тетенькой“.

надѣлать? Поѣхалъ безъ всякой причины въ Петербургъ, ничего тамъ пужнаго не сдѣлалъ, только прожилъ пропастъ денегъ и задолжалъ. Глупо! Невышосимо глупо! Ты не повѣришь, какъ это меня мучасть. Главное долги, которые мнѣ пужно заплатить, какъ можно скорѣе; потому что ежели я ихъ заплачу не скоро, то я сверхъ денегъ потеряю и репутацію.

Годи Бога, сдѣлай потъ что. Не говоря теткамъ и Андрею, почему и зачѣмъ—продай Воротишку Уварову или Селезневу. Это моя послѣдняя ресурса, но безъ которой я не обойдусь, какъ для того, чтобы прожить, такъ и для того, чтобы въ опекунскій совѣтъ заплатить.

Мнѣ до новаго дохода необходимо 3500 р. сер. 1200 въ Опекунскій Совѣтъ, 1600 заплатить долги, 700 р. на прожитокъ. Я знаю, ты будешь ахать, по что же дѣлать? глупость дѣлають разъ въ жизни. Надо мнѣ было полатиться за свою свободу (Некому было съчь. Это главное несчастіе) и философію, вотъ я и полатился. Сдѣлай милость, похлопочи, чтобы вывести меня изъ фальшиваго и гадкаго положенія, въ ~~нагоромъ~~ я теперь—безъ гроша денегъ и кругомъ долженъ.

Ты ~~знаешь~~ вѣрно, что наши войска все идутъ въ походъ, и что часть (2 корпуса) перешли границу и, говорятъ, уже въ Вѣнѣ.

Я началъ было держать экзамень на кандидата и выдержалъ два хорошо, но теперь перемѣнилъ рѣшеніе и хочу вступить юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ. Мнѣ совѣстно писать это тебѣ, потому что я знаю, что ты меня любишь, и тебя огорчатъ все мои глупости и безосновательность. Я даже нѣсколько разъ вставалъ и краснѣлъ отъ этого письма, что и ты будешь дѣлать, читая его, но что дѣлать, прошедшаго не перемѣнишь, а будущее зависить отъ меня.

Богъ дастъ я исправлюсь и сдѣлаюсь когда шибудь порядочнымъ человѣкомъ; больше всего я надѣюсь на юнкерскую службу, она меня приучитъ къ практической жизни и

volens nolens мнѣ надо будетъ служить до офицерскаго чина. Съ счастьемъ, т.-е. если гвардія будетъ въ дѣлѣ, я могу быть произведенъ и прежде 2-лѣтняго срока. Гвардія идетъ въ походъ въ концѣ мая. Я теперь ничего не могу дѣлать, потому что, во-первыхъ, нѣтъ денегъ, которыхъ мнѣ нужно, немного (все, кажется), а во-вторыхъ, два метрическія свидѣтельства въ Ясной; вели ихъ прислать, какъ можно скорѣе. Не сердись на меня, пожалуйста, а то я теперь слишкомъ чувствую свое ничтожество, и исполни поскорѣе мое порученіе. Прощай, не показывай письма этого тетенькѣ, я не хочу ее огорчать.

1850 г.

№ 3.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1850 г., Дѣкабрь 9).

Chère tante!

Мое воспаленіе идетъ лучше, по я еще не выхожу изъ комнаты, рассчитываю сдѣлать это завтра, т.-е. въ воскресенье.

Нѣтъ худа безъ добра—говорю это къ тому, что въ одномъ отношеніи я даже доволенъ, что хворалъ и долженъ былъ сидѣть дома около недѣли. По крайней мѣрѣ успѣлъ устроиться, оглядѣться.

Я вамъ говорилъ, что моя квартира очень славная.

Она состоитъ изъ четырехъ комнатъ—столовая, гдѣ у меня уже есть рояльно, которое я взялъ на прокатъ, гостиная съ диваномъ, стульями и столами, орѣховаго дерева, покрытыми краснымъ сукномъ, и украшенная тремя большими зеркалами; кабинетъ, гдѣ стоитъ мой письменный столъ, бюро и диванъ, который напоминаетъ мнѣ всѣ наши споры объ

этой мебели, и еще комната, довольно большая, чтобы служить спальней и уборной и, сверхъ того, маленькая передняя.

Я обѣдаю дома щами и кашей, чѣмъ я вполне доволюсь. Жду только варенье и паливку, чтобы имѣть все, къ чему я привыкъ въ деревнѣ.

У меня есть сани за сорокъ рублей, это пошевни, родъ саней, теперь въ модѣ. Сережа долженъ звать, что это такое. Я купилъ всю упряжку, и она у меня теперь очень изящна.

Прощайте, цѣлую ваши ручки. Я очень удивленъ, что до сихъ поръ не получилъ отъ васъ письма.

Въ многолюдствѣ не разсѣиваюсь и игрокамъ не поддаюсь.

№ 4.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1850 г., Декабрь 24).

Chère tante!

Удивляюсь и не перестаю удивляться вашему молчанію, хотя и получилъ вчера ваше письмо отъ 16 декабря, отвѣтъ на мое первое; но это уже четвертое, которое я вамъ пишу. Здоровье мое великолѣпно, но зато мои денежныя дѣла далеко не въ блестящемъ положеніи.

Зачѣмъ вы такъ возмущени Пеленевимъ*), если это для того, чтобы меня отъ него отвратить—это бесполезно, потому что его нѣтъ въ Москвѣ. Все, что вы говорите о развращающемъ вліяніи игры—нѣрно и часто мнѣ приходитъ на умъ, вотъ почему я думаю, что я больше играть не буду. „Я думаю“, но надѣюсь скоро сказать это нѣрно.

*) Дѣтъ гр. Соф. А. Толстой по матери, съ которыми Л. Н. игрывалъ въ карты.

Все, что вы говорите объ обществѣ, вѣрно, такъ же, какъ и все, что вы говорите, особенно въ письмахъ: во-первыхъ потому, что вы пишете какъ м-мъ де-Севиньи, и вторыхъ, потому что я не могу по моимъ привычкамъ спорить. Вы также говорите много хорошаго обо мнѣ. Я убѣжденъ, что похвалы приносятъ столько же пользы, сколько и вреда. Онѣ полезны, потому что онѣ удерживаютъ чело-вѣка, въ тѣхъ хорошихъ [качествахъ, которыя хвалятъ, и вредны, потому что увеличиваютъ самолюбіе. Я увѣренъ, что ваши похвалы принесутъ мнѣ только пользу, потому что онѣ продиктованы искреннимъ дружескимъ чувствомъ, но, конечно настолько, насколько я ихъ заслуживаю.

Мнѣ кажется, что я ихъ заслужилъ: во все время моего пребывания въ Москвѣ я доволенъ собой.

Скажите Сергѣю, что я его обнимаю, что всѣ его порученія исполнены, и добросовѣстно исполнены. Прощайте, цѣлую Ваши руки. Досвиданія.

1851 г.

№ 5.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1851 г., Мартъ 8).

Chère tante!

Изъ вашего молчанія я заключаю, что вы на меня сердитесь; дѣйствительно, я уже давно не писалъ вамъ, но вы знаете, что если я и бываю виноватъ передъ вами, то случается это помню моеѣ воли. Вы знаете также, что чѣмъ дольше я не вижу васъ, тѣмъ сильнѣе чувство, которое я къ вамъ питаю. Я клеветалъ на себя, говоря, что для меня отсутствующіе всегда неправы.

Въ одномъ сочиненіи, которое я читалъ на-дняхъ, авторъ говоритъ, что первые признаки весны дѣйствуютъ обыкно-

венно на человѣческую душу. Съ возрождающейся природою хочется чувствовать и свое возрожденіе, жалѣть о прошломъ, дурно потраченномъ времени, каяться въ слабости, и будущее представляется, какъ свѣтлая точка впереди насъ, и становишься лучше, правтвенно лучше. Что касается меня, это совершенно вѣрно; съ тѣхъ поръ, какъ я началъ жить самостоятельно, весна всегда приводила меня въ хорошее настроеніе, въ которомъ я держался болѣе или менѣе долго; но вотъ зима всегда была для меня камнемъ преткновеія—всегда, собьюсь.

Впрочемъ сопоставляя съ прошлыми зимами, эта несомнѣнно самая пріятная и самая разумная изъ всѣхъ проведенныхъ мною. Я веселился, я ѣздилъ въ свѣтъ, остались воспоминанія, и при всемъ томъ, я не разстроилъ свои финансы—и не устроилъ—правда.

Только что я подсчитать свои долги и сумма ихъ оказалась та же, что и въ прошломъ году. Прощайте, милая, доюгая тетушка, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и надеюсь скоро сдѣлать это въ дѣйствительности.

№ 6.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Казань, 1851 г., Апрель).

Chère tante!

Вотъ и опять эти два слова стоятъ на заголовкѣ листа бумаги, и снова я въ затрудненіи: что писать вамъ? А между тѣмъ мнѣ надо столько сказать вамъ.

Наше путешествіе было очень удачно въ смыслѣ погоды и дороги. Мы провели два дня въ Москвѣ.

Я былъ на гуляньи въ Сокольникахъ въ отвратительную погоду и потому не встрѣтилъ ни одну изъ дамъ, которыхъ я хотѣлъ видѣть. Такъ какъ, по-вашему, я человѣкъ испытывающій себя, я пошелъ въ паркъ, въ цыганскій таборъ.

Вы легко можете себя представить, какая поднялась тамъ во мнѣ внутренняя борьба за и противъ. Впрочемъ, я вышелъ побѣдителемъ, то-есть ничего не далъ этимъ веселымъ потомкамъ знаменитыхъ фараоновъ, кромѣ моего благословія. Николай *) находитъ, что я очень пріятный спутникъ, если бы не моя опрятность. Онъ сердится на то, что, какъ онъ говорить, я 12 разъ въ день мѣняю бѣлье. Я нахожу, что онъ тоже очень пріятный спутникъ, если бы не его неопрятность. Не знаю, кто изъ насъ правъ.

Изъ Москвы написалъ Валерьяну, что выигралъ 400 р. Боюсь, какъ бы это васъ не встревожило. Вы подумаете, что я играю и опять буду играть. Успокойтесь, это исключеніе.

Только пріѣхавъ въ Казань, я опять начинаю приходиться въ хорошее настроеніе, которымъ и пользуюсь, чтобы писать вамъ. Все это время я не то что былъ въ плохомъ настроеніи, но мнѣ было невесело. Вы легко разгадаете причину...

Вы старались не казаться опечаленной при нашемъ отъѣздѣ, я это замѣтилъ и благодаренъ вамъ за это.

№ 7.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Астрахань, 1851 г., Май).

Chère tante!

Мы въ Астрахани и уже на отъѣздѣ, такъ что намъ еще остается сдѣлать 400 верстъ. Въ Казани я провелъ очень пріятно недѣлю. Путешествіе до Саратова было непріятно, но зато оттуда путешествіе въ небольшой лодкѣ до Астрахани было очень поэтично и полно очарованія для меня, по новизнѣ мѣстъ и по самому способу путешествія. Вчера я написалъ Машѣ **) длинное письмо, въ которомъ я ей раз-

*) Старшій, любимый братъ Л. Н.

**) Сестра Л. Н.

сказываю о моемъ пребываніи въ Казани. Я ничево вамъ не говорю объ этомъ, изъ опасенія повториться, хотя я и увѣрещъ, что вы не смѣшали бы оба письма. Пока я очень доволенъ моею поѣздкой. У меня много предметовъ для размышленія и потомъ самая переменна мѣста мнѣ пріятна. Проѣздомъ черезъ Москву я абонировался, такъ что у меня много чтенія, которымъ я занимаюсь даже въ тарантахъ. Затѣмъ, какъ вы понимаете, общество Николая содѣлствуетъ моему довольству. Я не перестаю думать о васъ и о всѣхъ моихъ. Я даже иногда упрекаю себя за то, что оставилъ эту жизнь, которую такъ смягчала наша любовь ко мнѣ; но это только отсрочка, и я еще съ большою радостью увижу васъ. Если бы я не сгнѣшилъ, я бы написалъ Сережѣ, но я откладываю это до того, когда я устроюсь и буду спокойнѣе. Поцѣлуйте же его отъ меня и скажите ему, что я очень расказиваюсь въ той холодности, которая была между нами переть отъѣздомъ и въ которой я обвиняю только себя.

Прощайте, тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши руки.

№ 8.

Т. А. Ергольскою.

(по-французски).

(Старый Юргъ, 1851 г., Іюль).

Chère tante!

Давно я не писалъ вамъ, и отъ васъ получилъ всего нѣсколько словъ. Позвольте вамъ за это сдѣлать выговоръ.

Я пріѣхалъ живъ и здоровъ, но немного грустный, къ концу мѣсяца въ Старогладовскую. Я увидалъ вблизи образъ жизни, который ведетъ Николай и познакомился съ офицерами, которые составляютъ общество. Образъ жизни не очень привлекателенъ, какъ мнѣ показалось сперва, потому что и самый край, который я предполагалъ очень красивымъ, вовсе

не таковъ. Такъ какъ станція расположена въ низинѣ,— нѣтъ красиваго вида; квартира плохая, а также и все, что составляетъ удобство жизни. Насчетъ офицеровъ, какъ вы сами можете себѣ представить, это люди безъ образованія, но люди славные и очень любящіе Николеньку.

Алексѣевъ, его начальникъ, это маленькій бѣлокуренькій рыжеватый человѣчекъ съ усами и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ, но добрый христіанинъ, напоминающій немного А. С. Волкова, но не такой ханжа, какъ онъ. Потомъ Д., молодой офицеръ, ребенокъ и *bon enfant*, напоминающій Петрушу. Потомъ старый капитанъ Билковскій, изъ уральскихъ казаковъ—старый, простой солдатъ, но благородный, храбрый и добрый. Признаюсь, сначала многое въ этомъ обществѣ коробило меня, но я привыкъ, хотя и не сдружился съ этими господами. Я нашелъ счастливое средство общенія, въ которомъ нѣтъ ни гордости ни заанибрательства. Впрочемъ въ этомъ мнѣ оставалось только слѣдовать примѣру Николеньки.

Едва приѣхавъ, Николенька получилъ приказъ отправиться въ Староюртовское укрѣпленіе для прикрытія больныхъ въ Горячеводскомъ лагерѣ.

Николенька уѣхалъ черезъ недѣлю послѣ своего приѣзда, и я послѣдовалъ за нимъ, такъ что мы почти три недѣли здѣсь живемъ въ палаткѣ. Погода хорошая, и такъ какъ я привыкъ немного къ такому образу жизни, то мнѣ очень хорошо. Здѣсь чудные виды. Начну съ того мѣста, гдѣ источники. Это большая гора изъ нагроможденныхъ другъ на друга камней. Одни изъ нихъ оборвались и, упавъ, образовали нѣчто въ родѣ гротовъ, другіе нависли на страшной высотѣ. Всѣ они перерѣзаны потоками горячей воды, которые падаютъ съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и закрываютъ, особенно по утрамъ верхнюю часть скалы бѣлымъ паромъ, который поднимается отъ этой кипящей воды. Вода такъ горяча, что въ ней можно сварить яйцо вкрутую въ три